

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ритард Длинные Руки
Ритард Длинные Руки — воин Господа
Ритард Длинные Руки — наладник Господа
Ритард Длинные Руки — сеньюр

Ритард де Амальфи

Ритард Длинные Руки — властелин трех замков

Ритард Длинные Руки — виконт
Ритард Длинные Руки — барон
Ритард Длинные Руки — ярл
Ритард Длинные Руки — граф
Ритард Длинные Руки — бурграф
Ритард Длинные Руки — ландлорд
Ритард Длинные Руки — пфальцграф
Ритард Длинные Руки — оверлорд
Ритард Длинные Руки — коннетабль
Ритард Длинные Руки — маркиз
Ритард Длинные Руки — гротграф
Ритард Длинные Руки — лорд-протектор
Ритард Длинные Руки — майордом
Ритард Длинные Руки — маукиграф
Ритард Длинные Руки — лауиграф
Ритард Длинные Руки — фрейиграф
Ритард Длинные Руки — вильдграф
Ритард Длинные Руки — рауиграф
Ритард Длинные Руки — конунг
Ритард Длинные Руки — герцог
Ритард Длинные Руки — эрцгерцог
Ритард Длинные Руки — фюрст
Ритард Длинные Руки — куурфюрст
Ритард Длинные Руки — гротсфюрст
Ритард Длинные Руки — ландесфюрст
Ритард Длинные Руки — гринд
Ритард Длинные Руки — князь
Ритард Длинные Руки — эрцфюрст
Ритард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ритард Длинные Руки — принц
Ритард Длинные Руки — принц-консорт
Ритард Длинные Руки — вице-принц
Ритард Длинные Руки — эрцпринц
Ритард Длинные Руки — куурпринц
Ритард Длинные Руки — эрбпринц
Ритард Длинные Руки — принц короны

Гай Юлий Орловский

Ричард
де Амальфи

Ричард
Длинные Руки —
властелин
трех замков

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении переплета
использован рисунок *А. Дубовика*

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард де Амальфи. Ричард Длинные Руки — властелин трех замков / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2013. — 960 с.

ISBN 978-5-699-64760-6

Доблестный сэр Ричард, паладин Господа, а теперь и хозяин таинственного замка, находится в окружении враждебных соседей: свирепого барона де Амило и волшебницы Клаудии. К тому же на землях Ричарда обнаружены «свернутые королевства». И через две недели его ждет рыцарский турнир и... рыцарский суд!

Будучи человеком скромным, Ричард Длинные Руки, благородный рыцарь, избегает конфликтов, ссор, диспутов, стычек. Но когда стараешься избежать неприятностей, они находят тебя сами. В лице странствующих рыцарей, горных великанов, колдунов, драконов, вервольфов, привидений, кобольдов, монахов-миссионеров и прочих... А уж про самую большую опасность, женщин, вообще молчим...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-64760-6

© Орловский Г.Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Ричард де Амальфи

Создателям Stronghold'a — с благодарностью!

Часть первая

Глава 1

Сквозь сон донесли далекие грубые голоса, конское ржание. Я поднял веки, минуту смотрел на стену из крупных каменных глыб. Из узкого окна ворвался золотой луч, на полу на шкурах неведомого зверя высветился скошенный квадрат, весело скачут колющие искорки.

Голоса и ржание слышны снизу, я вскочил и, на ходу протирая глаза, добрался до окна. Камень под моим животом теплый и надежный, как кора гигантского дерева, внизу во дворе после короткого ночного дождика унесло грязь с вымощенного булыжником пространства, камни блестят, как панцири черепах, а вода бежит в канавке под стеной, иногда выплескиваясь в неглубокие лужи. Дети пускают щепочки, над влажной землей под жаркими лучами дрожит воздух, утреннее солнце пронизывает чуть ли не насквозь.

Я оглянулся на разложенные на широкой лавке доспехи: пора к народу, что выбрать? Кожаные сразу пропитываются потом, от них пахнет, как от стада взмысленных коней, сохнут долго, однако и железо на голое тело не наденешь: придется сперва вязаную рубашку, она же поглотит и пот, но это в разгар лета нести на плечах наковальню...

Снизу со двора уже не просто голоса, а вопли. В дальнем углу семь человек упражняются в стрельбе из лука, мой чернящий конь с рогом посреди лба

бродит между ними, помахивает хвостом, за ним крадутся, страшась приблизиться, полные ужаса конюхи.

— Что случилось? — крикнул я сверху.

Задрали головы, разом сдернули шапки, поклонились, один прокричал:

— Ваша милость, мы уже и не знаем, как его остойлить!.. Это ж один из тех коней... что и не кони вовсе... Съел овес, а потом и сами ясли! Железный запор понравился — съел, а еще ходил и высматривал гвозди. В кузнице две подковы схрумал, как бублики. Хорошо, кузнец увидел, отогнал заклятием.

Я прокричал в ответ:

— Знающий у нас кузнец! Вот и спросите, каким заклятием можно такого коня... э-э... остойлить.

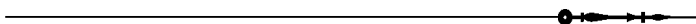
Конь поднял красивую мускулистую шею, багровые глаза разгорелись ярче, стали алыми. Мне почудилось, что это пламя гнева, но конь приветливо заржал, махнул хвостом и даже пригнул ушами.

— И я тебя люблю, — ответил я искренне. — Ты у меня чудесный. Скоро приду.

Вздохнул, облачился в металл, при таком коне надо выглядеть рыцарем, даже если не считаю себя им, — положение феодала обязывает.

Уже позднее утро, солнце над замком, но холодом тянет от стен, пола, из неведомых щелей. Сквозняки просто пронизывающие, а там, за дверью, вообще рвет и мечет, как Тузик тряпку, заблудившийся ветер. Гунтер и даже Зигфрид жалуются на ноющие суставы, я пока держусь, провитаминенный на две жизни вперед, но все равно с тоской думаю про окна со стеклопакетами или хотя бы о масляном калорифере.

Несмотря на утро, в массивных медных державках полыхают факелы. Я только на третий день заметил, что их не меняют, а в светильники никто не подливает масла. Гунтер объяснил как само собой разумеющееся, что таково желание предыдущего владельца замка, чтоб горели сами, я кивнул с умным видом, если так, то, конечно, какие вопросы, желание хозяина — закон для подчиненных, даже если в числе под-

чиненных — замок. Жаль, что хозяин не подумал о сквозняках, ах да, он же последние годы вообще не покидал своих покоев, а там не дует...

Мой личный кабинет, он, как и спальня, входит в понятие «мои покои», выходит на другую сторону двора, сюда с утра солнечные лучи не достигают, сейчас здесь ровный красноватый свет факелов, не слишком яркий, скорее — тусклый, но я уже привык, что при каждом моем движении черная тень колыхнется, двигается по стене, а в углах переламывается и хищно перепрыгивает со стены на стену изломанная, вытянутая и плоская.

Громяхая железом, я миновал кабинет и подошел к двери, как вдруг жуткая тень истончилась и пропала. Комнату залил чистый радостный свет, который не могут дать ни свечи, ни светильники, ни электрические лампочки. Разве что электрическая дуга... нет, и у той свет недостаточно чист, а этот просто незамутненный свет Первого дня...

Из стены вышла плазменная фигура. Широкие плечи, мощная грудь, квадратное лицо с тяжелой челюстью человека властного и вспыльчивого, массивные надбровные дуги, одну вроде бы рассекает шрам, но не рассмотреть в ярком переливающемся свете.

Я ахнул:

— Тертуллиан?.. Но в эти земли ты не мог! Или брехал?

— Теперь могу, — ответил плазменный человек могучим голосом, то ли полководца, то ли проповедника, привыкшего подчинять массы.

— Это из-за меня?

— Не стыдись, — пророкотал он утешающе.

— Да я вроде не стыжусь...

— Стыдишься, — уличил он. — Думаешь, не видно? Ну побей посуду, обругай слуг, ударь ребенка. Не понимаю, из какого ты мира, где стыдятся хорошего?

— Да вот из такого, — пробормотал я злой, что меня, такого сложного и загадочного — я же целый мир! — раскусили так запросто. — Вино будешь?

Он сделал вид, что не услышал глупой шутки, вообще-то я могу и лучше, но уж очень растерялся, а дураком выглядеть никому не хочется. Хуже, чем дураком, выглядеть разве что умным.

Комната разом потеряла запахи пота, горелой смолы, масла, из всех щелей исчезли тени. Тертуллиан светит, как солнце, только не слепя глаза и не заставляя шуриться.

— Ты вклинился в земли Врага, — произнес он серьезно. Я зябко повел плечами.

— А что, Одноглазый, Клаудия, Вервольф, Кабан, Тудор и даже Крыса — слуги дьявола?

Он слабо усмехнулся.

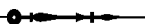
— Не в том смысле, как понимает простой народ. Им кажется, что дьявол, сидя на черном коне, указывает дланью, а слуги несутся, выполняя его приказы. Все гораздо хуже именно тем, что незримее... Здесь, на этих землях, как бы ничья власть! Здесь нет ни бога, ни дьявола. А слово «слуги», кстати, в землях дьявола давно заменено на «служащие».

Я сказал осторожно:

— Извини, но по мне самое лучшее — ничья земля и ничья власть. Сильному человеку не нужны костыли. Ты же знаешь, я не из этого мира. Потому не суди строго.

Он отмахнулся, за рукой протянулась сверкающая полоса, словно рука на целую секунду превратилась в блистающий веер.

— Я же один из отцов Церкви! Создавшие Церковь могут ли быть слепо верующими? Даже просто верующими?.. Нет-нет, не отвечай, опасный вопрос, не надо вслух. Просто подумай и ответь для себя. Но не суди со всей решительностью, столь свойственной твоему юному возрасту. Пока не говори ни «да», ни «нет». Прими как аксиому, что свято место пусто не бывает. Вот не бывает — и все! Как не может плодородная земля не покрыться травой, а в траве обязательно появятся жучки, паучки, бабочки, стрекозы... Уже тем, что здесь нет храмов, здешние люди открыли сердца дьяволу. Ведь для него вовсе не требуется своих жертвенников или языческих храмов!.. Достаточно и того, что нет церквей!

Я спросил тупенько:

— А как же черные мессы? Вальпургиевы ночи? Прости, ты в самом деле не хочешь хотя бы присесть? А то как-то неловко... Стоим друг против друга, как на диспуте.

Он покачал головой:

— Я не могу сотворить накрытый стол, даже чашу с вином не могу, нам не доступно то, что делают даже слабые маги. А посылать слугу..

— Да, — согласился я, — не хотелось бы, чтобы тебя увидели...

— И чтоб о тебе подумали лучше, — добавил он с иронией. — Так вот, о простом народе и вальпургиевых ночах... Слабые люди стараются угодить господину, только не знают как. Словом, Дик, я еще не освоился, что ты уже стал рыцарем, потом паладином, а теперь так и вовсе де Амальфи.

— Де Амальфи?.. — переспросил я тупенько. — Я?

Он отмахнулся.

— Так вот я о чем: Церковь, как и дьявол, дает тебе свободу выбора. Будешь служить Церкви — получишь поддержку Церкви. Будешь служить дьяволу — тебя поддержит дьявол.

Я невольно выпрямился, повел плечами, доспехи слегка звякнули.

— Пусть собачки служат, — сообщил я. — А человек — звучит гордо, даже если это тварь дрожащая. И вообще тростник... Ты присядь, пожалуйста, если пить не хочешь!.. А то мне неловко, я уж так воспитан.

Он опустил в свободное кресло, чтобы мог сесть и я, вот такой я вежливый, но он, как старый римлянин, правила этикета знает, оценил, в огненных глазах одобрение, что я выждал, пока опустит задницу он, а потом лишь нащупываю ягодицами сиденье сам.

— Я ненадолго, — сообщил он. — Захотелось проверить, в самом ли деле эти места открылись... и для меня.

— Ну и как?

Он задумался, кивнул:

— В какой-то мере. Ты позволил уцелевшему священнику восстановить церковь и начать службы. Влияние дьявола слегка ослаблено... во всяком случае — в церкви. И это позволило мне хоть и с усилием, но продрасться через Мертвые Поля, Красные Реки и Черный Пояс Безысходности. Словом, в запретные для меня области.

— Но мы не в церкви!

Со стороны окна донеслись крики, звон металла, громко заржал конь. Тертуллиан посмотрел в ту сторону:

— Нравится тебе или нет, но церковь — во дворе замка. Правда, это ни к чему не обязывает.

— Еще бы, — сказал я саркастически. — Меня вообще ничего не обязывает, уж извини. Я сам из всех существующих моделей... а их до черта, хорошо — до ангелов, выбираю те, которые меня устраивают. Только им и следую... Ладно, Тертуллиан, раз уж ты появился, нельзя ли к тебе с просьбой?

Он ухмыльнулся:

— Можно. Как ты говорил, услуга за услугу.

Я проговорил с некоторой неловкостью:

— Понимаю, ты человек святой, тебя со всех сторон принимают просьбами...

Тертуллиан кивнул:

— Ну-ну, говори. Для такого гордеца обратиться с просьбой, что живую жабу съесть.

— Тертуллиан, я все думаю, как бы сюда те волшебные мечи, что достались мне так по-дурному...

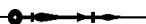
— По-дурному?

— Легко, — поправился я. — Слишком легко.

Он нахмурился, белые светящиеся брови на миг скрыли огненные глаза, покачал огромной головой:

— Пора уже знать, что если что-то достается легко...

— Знаю, — прервал я, — бесплатный сыр только в мышеловке, халявы не бывает, и все такое. Но я взял эти мечи! Теперь, даже если откажусь, расплачиваться все равно? Ну вот... Их бы сюда, в мой замок. Видишь, я уже называю его своим.

Он взглянул мне в глаза, в глазницах свет немыслимой чистоты, я ощутил себя нечистым, отвел взор.

— Ах, Ричард, — проговорил он медленно, с печалью. — Ну не дано мне выполнять такие вот просьбы! Не могу съездить в Зорр, взять там твои мечи и привезти сюда!

— А шепнуть кому-нибудь? — сказал я дрогнувшим голосом. — Например, Сигизмунду? Хоть он и свободен от вассалитета, но по старой дружбе... Или Асмеру, Бернару, даже Ланселоту. Мол, ваш приятель снова попал в переделку, просит доставить по такому-то адресу, в такую-то крепость, где примет без всякой описи.

Тертуллиан усмехнулся, я смотрел в его огненные глаза не щурясь, кажется, начиная без всяких формул понимать природу вещей и строение материи.

— Ричард, — ответил он сильным, слегка рокочущим голосом, — Ричард... ты не понимаешь. Пока ты один вот такой, что можешь общаться! Ну, не падаешь на колени, не захлебываешься благодарственными молитвами... не бьешься в экстазе... А бывают и такие, что считают мое появление происками дьявола, начинают брызгать святой водой, приводят священников, устраивают крестные ходы... А самое главное, никто не слушает ни одного моего слова!.. Неважно, что говорю, одни бухаются на колени и начинают благодарить Творца за явленную им милость, да как многословно и одинаково!.. Другие пытаются изгнать с такой же страстью... А с тобой можно просто говорить. Ты меня понимаешь, хотя это очень странно.

Я спросил с неловкостью:

— Странно, что понимает неверующий?

Он отмахнулся.

— Я сам неверующий, уже говорил. Вообще, любая религия делается неверующими. Запомни, Ричард, основа всех великих религий мира — безбожие. И саму Церковь строили умные и абсолютно неверующие люди. Думаешь, верующие смогли бы построить?.. Ха!.. Я знаком со всеми отцами Церкви, они все, представь себе, неверующие, однако при-

знают необходимость веры не только для народов, но и для каждого отдельного человека. Вера нужна, Ричард, нужна.

Я покачал головой:

— Но не мне.

Он грустно улыбнулся:

— Даже тебе.

— Не думаю.

— Это сейчас, — сказал он серьезно. — Когда-то это тебе понадобится.

— Никогда, — отрезал я твердо.

— Никогда не женюсь, сказал трехлетний ребенок.

Я ощутил угрызения совести, слишком уж по-бараньи уперся, надо то же самое, но другими словами, повежливее, сказал уже мягче:

— У нас говорят: зарекалась свинья говно кушать... Ладно, поживем — увидим. Лично я уверен, что есть установки, которые с возрастом не меняются.

Он поднялся, свет стал ярче. От всей огромной фигуры шло дружеское тепло.

— Еще появлюсь, — пообещал он.

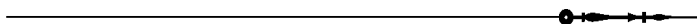
— Только не распугивай мои привидения, — попросил я. — И моих домовых с троллями!

Он с укоризной покачал головой:

— Эх, Ричард... Когда повзрослеешь и начнешь обходиться без них?

Он исчез, в комнате сразу стало темно, только на всех стенах тускло зажелтели пятна масляных светильников.

Мои покои на втором этаже. И когда, громохкая железом, переступил порог в коридор, снизу донесся могучий рев двух десятков крепких мужских глоток. В нижнем зале пир по случаю прибытия герольда короля Барбароссы. Король устраивает турнир по случаю бракосочетания, герольд развозит приглашения. Привез и мне, а я сдуру ответил, что, дескать, а как же, без меня какой турнир.

До турнира месяц, на дорогу вычтем неделю, три в запасе. Ну ладно, пусть даже две на дорогу, в любом случае седлать коней рано. Вообще-то герольд — не велика птица, в его честь разве что бросят чистую тряпку в людской, чтобы выпался перед дорогой, но я еще не установил твердых правил, народ вольничает. Я для них не совсем хозяин, а пока только рыцарь, захвативший замок и принявший их на службу. И хотя присягу уже принесли, должны привыкнуть, что новый хозяин — я.

Правда, к этому должен привыкнуть еще и я сам.

Стражник в коридоре вскочил, стукнул тупым концом копья в пол:

— На страже, ваша милость!

— Вольно, — пробормотал я.

Пройдя мимо, услышал жестяной лязг за спиной, это страж тут же сел на ящик и приготовился дремать. Я иду медленно и даже как бы величаво, так пусть и понимают, на самом деле бдю, не заблудиться бы в собственном замке, еще не совсем орел в ходах странного назначения: кажется, прорыли пьяные муравьи, они же выстроили воздушные мостики с одной башни на другую, возвели галереи, проложили длиннющие коридоры, переходы, ходы вверх, ходы вниз, я пока что ориентируюсь только в самом донжоне, а все эти правые и левые крылья, сторожевые башни, под которыми столько многоэтажных подвалов, проходов, разных помещений...

Вот так в лесу смотришь на коричневую горку муравейника, думаешь, что это он весь, на самом деле только шапка, даже не шапка, а кончик шапки, муравейник же глубоко под землей, что и понятно: зимой там не промерзает, летом никакой лось не разворотит.

С лестницы посмотрел на нижний зал, украшенный стягами, гобеленами и, главное, огромным щитом с моей эмблемой. Народ пирует: одни празднуют освобождение из темниц, другие — повышение, третьи просто рады пожрать и выпить. Ладно, мешать не буду, прошел дальше, стараюсь